
Ирина Попова

**ЛИТЕРАТУРА И ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ:
СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ КЛАССИКИ
НА ФОНЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ***

Irina Popova

**Literature and literature theory: Formation of Russian
classics on the background of European tradition**

История классики, как и история понятий «классика» и «классик» («классический писатель»), в европейской традиции не является чем-то непрерывным. В истории Античности понятие «классический писатель» («*scriptor classicus*») в значении «образцовый писатель» позднее, фиксируется не ранее II в. н. э.; обычно его возводят к «Атическим ночам» Авла Геллия.

Средневековье вплоть до XII в. не знает понятия «образцовый писатель». Представление о классике формируется вместе с представлением об образце и каноне и относится сначала исключительно к древним авторам, к античным жанровым образцам.

Понятие «классический писатель» («классик») распространяется на новых европейских авторов начиная с XVI в. В первой французской поэтике – «*Art poétique François*» (1548) Тома Себийе – сказано о «хороших и классических французских поэтах», таких, как Ален Шартье и Жан де Мён. В Англии термин «*classical*» фиксируется на полвека позже. В Испании идея классики формируется в XVII в. Бальтасар Грасиан в «Остроумии, или Искусстве изощренного ума» (1648) гово-

* *Попова И.* Литература и теория литературы: Становление русской классики на фоне европейской традиции // Новое литературное обозрение. – М., 2017. – № 6 (148). – С. 216–236.

рит о «первостепенных авторах» как о «классиках». Новая классика, как и латинская, трактуется в двух аспектах: как регламентация литературной практики и как отбор литературы для школы – образцов для образования и обучения письму.

Однако теория классики создается лишь в XX в. Особую роль сыграла здесь книга немецкого филолога Эрнста Роберта Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948). 26 веков европейской словесности, от Гомера до Гёте, описаны им посредством трех основных понятий – *литература*, *канон* и *классика*, а смена литературных эпох – посредством понятий *классицизм* как универсального обозначения классических тенденций и *маньеризм* как универсального обозначения антиклассических тенденций. Курциус подчеркивал особый статус Вергилия как универсального классика, творчество которого стало краеугольным камнем латинского образования.

Как всякая литература, в определенный момент истории выбравшая путь усвоения западной традиции, русская литература прошла сначала период имитационной рецепции, т.е. прямого подражания, воспроизведения прочитанного, затем период продуктивной рецепции, т.е. создания собственной литературы в европейском смысле. Европейское образование стало фундаментом для русского образования. Однако когда Ломоносов писал свою «Риторику», риторическая эпоха в Европе уже подошла к завершению, а латинское образование и его фундамент – грамматики и риторики – исторически исчерпали потенциал для формирования новых литератур и поэтик. Пригодные для обучения древнему и средневековому канону, по-прежнему остававшиеся основой европейского образования, они не могли «научить» русскую словесность языку актуальной европейской литературы.

Для рецепции нового канона европейских литератур был выбран французский язык. Как латынь когда-то, по точному замечанию Курциуса, «развязала язык» французскому, так французский язык, язык образцовой европейской классики, в начале XIX в. «развязал язык» русскому. Языковая программа Карамзина с ее установкой на разговорный язык («писать как говорить»), ориентировалась на французский язык как на образец.

Влияние французского языка на уровне лексических заимствований, семантических калек, перестройки синтаксиса хорошо изучено. Однако не следует забывать, что французский язык неотделим от французской классики, от нового канона французской литературы. В сравнительном контексте европейских литератур Нового времени

именно французская традиция является образцом системной регламентации.

Понятия «классика» и «традиция» во французской словесности связаны наиболее непосредственно и тесно. Во французской литературе нет классиков в смысле Данте, Сервантеса, Шекспира или Гёте, т.е. классиков как одиноких вершин, воплощающих дух национальных литератур; французские классики – пантеон авторов, которых можно рассматривать и каждого по отдельности, и как единое целое. К тому же именно во Франции теоретическая кодификация литературного канона достигла наивысшего уровня.

Для русской культуры было важно быстро пройти период рецепции, но не менее важно, научившись создавать на основе усвоенных образцов оригинальные сочинения, сформировать собственную традицию, выработать механизмы ее сохранения и передачи. Настоящее движение вперед, трудное и постепенное, начинается с формирования собственной традиции, своего «канона» (при всей условности этого понятия для литературы Нового и Новейшего времени) и классики.

1820-е – начало 1830-х годов имеют принципиальное значение для истории новой русской литературы. Именно это время, названное впоследствии «пушкинским», сформировало индивидуальность национальной словесности, ее неповторимость и узнаваемость в системе мировой литературы. Русская литература научилась говорить о специфически русском и при этом быть созвучной Западу и Востоку, быть открытой для любых влияний, заимствовать из разных культур и ни с одной из них не ассимилироваться.

Разумеется, формирование национальной классики невозможно без обостренной критической рефлексии по поводу литературных правил, вкуса, нормы и моды. Равно как невозможно оно и без теории, регламентирующей литературную практику, кодифицирующей литературный язык, создающей, наконец, пантеон авторов-классиков и свод классических текстов.

Хотя фигура Пушкина в 1820–1830-е годы является ключевой, хотя исключительное положение Пушкина в русской литературе петербургского периода неоспоримо, следует признать, что русская классика формировалась по французскому образцу – как пантеон авторов. Рядом с Пушкиным у нас сразу появился Гоголь, причем именно Пушкин публично и явно способствовал тому, чтобы Гоголь стал классиком в европейском смысле.

И все-таки правомерно ли относить начало формирования русской классики в европейском смысле к 1820-м годам и считать фигуру Пушкина ключевой? Не упрощает ли это реальную картину? Любой добросовестный знаток русской словесности конца XVIII – первой трети XIX вв. скажет, что суждения о классических писателях встречаются в критике существенно раньше, и в качестве примера приведет, в частности, статью В.А. Жуковского «О критике (Письмо к издателям “Вестника Европы”»)» (1809), в конце которой перечислен целый ряд «классических писателей наших»: Ломоносов, Державин, Дмитриев, Карамзин. То есть уже в 1800-е годы русская критика говорила о «классических писателях» XVIII в., выстраивая ряд лучших авторов ушедшего столетия. Разве это не было созданием традиции? Разве «канонизация» русского XVIII в., начатая на исходе 1800-х годов, а в середине 1830-х годов давшая серию «Русские классики», издательский проект М.А. Языкова, Г.В. Есипова и Д.Н. Толстого-Знаменского, – не была такой же частью общего процесса формирования национальной классической традиции, как деятельность Карамзина и Пушкина?

В русском языке понятие «классический писатель» фиксирует «Словарь академии российской» (1789–1794), но только в отношении классиков греческой и римской литературы: «*Классический* <...> Говорится об одних токмо сочинителях, которых сочинения в училищах приемлются за образцы достойные подражания. *Аристотель, Омир, Цицерон, Тит Ливий* и проч. *суть классические писатели*». На новые европейские литературы, тем более на русскую литературу, понятие «классический писатель» пока не распространяется. В 1840-е годы «Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847) оставляет за словом «классический» то же значение. Однако при этом наряду с «классическим» вводится также слово «классик» в двух значениях: 1) «превосходный писатель», но в отличие от «классического» не только древний, греческий или латинский, но и новый, европейский («каждый из превосходных писателей и художников, как древних, так и новейших народов. *Гомер и Геродот, Апеллес и Рафаель, суть классики*»), 2) писатель-классицист («Последующий правилам классицизма. *Лагарп и Блер были классики*»).

Таким образом, и в 1840-е годы с точки зрения норм русского языка понятия «классический» и «классик» связываются исключительно с европейской традицией. Несмотря на то что в критической практике 1800–1830-х годов немало рассуждений о классических пи-

сателях XVIII в., несмотря на то что в 1836 г. появляется анонсированная «Журналом Министерства народного просвещения» серия «Русские классики», смысл понятия русский «классический писатель» («классик») пока не поддается кодификации в одном значении и в одном ряду с европейской классикой.

Что же в действительности означала «канонизация» XVIII в. с точки зрения создания русской классики? И отчего Жуковский под маской «стародума», не знающего других языков, ввел в визуальную практику не закрепленное в словарях, но по сей день распространенное в обыденном сознании значение слова «классик» – «наш писатель прошлого»?

При внешней схожести механизмов создания новых литератур классика для культурного и исторического самосознания Западной Европы и России имела принципиально разный смысл. Для новых европейских литератур «классика» была универсальным связующим понятием между древним и новым, свидетельством непрерывности традиции, обеспеченной латинским образованием; для русской литературы создание классики, усвоение через посредство французского языка слов «классический писатель» и «классик» было частью продуктивной рецепции западной традиции и, как следствие, обостренно-го переживания необратимого разрыва с собственной древностью.

Разрыв со своей древностью не означал ее забвения. Напротив, начиная с последней трети XVIII в. предпринимались целенаправленные усилия по собиранию общей литературной истории, как древней, так и новой: «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова, наряду со статьями о писателях XVIII в., содержал сведения об авторах XV–XVII вв., а галерея портретов «Пантеона российских авторов» (1801–1802) Н.М. Карамзина открывалась Бояном и завершалась в последней из вышедших тетрадей М.В. Ломоносовым. Та же тенденция прослеживается и в университетской науке.

Очевидно, однако, что собирание и сохранение литературной истории, от Бояна до Михаила Попова, само по себе не могло привести к созданию классики. К исходу XVIII в. только один русский автор, по мнению Карамзина, мог быть назван классическим писателем – Ломоносов.

Западная традиция регламентации классики восходит к X книге «Наставления оратору» Квинтилиана: образцовый писатель выбирается на основании грамматических критериев и правильности языка; «жанр» выполняет роль ключевого понятия в кодификации классики.

Место автора в «пантеоне» определяется в соответствии с позицией жанра, в котором его творчество признано образцовым (Каллимах – образцовый творец элегий, Архилох – ямбов, Лафонтен – басен, Расин – трагедий и т.д.).

Карамзин, как кажется, точно следует европейской традиции, отмечая, во-первых, исключительный вклад Ломоносова в преобразование языка и создание грамматики, во-вторых, классифицируя его литературное наследие по жанрам и отбирая то, что можно признать образцовым. Безусловно образцовыми Карамзин полагает лирические и риторические опыты Ломоносова, эпические и драматические сочинения оценивает существенно ниже, а прозу и вовсе не считает достойной подражания. Таким образом, исключительное положение Ломоносова в русской литературе XVIII в. как единственного «истинно *классического*» писателя определяется его ролью преобразователя языка и образцового творца од и красноречия.

Впоследствии для русской классики, формировавшейся в постклассицистическую эпоху, жанровая спецификация перестанет иметь решающее значение, а роль языковой кодификации сохранится, хотя и претерпит существенные изменения. Если XVIII век оставался классикой только для своего языка, то, начиная с Пушкина, русские писатели становятся классиками и для других языков, т.е., по определению Элиота, универсальными классиками. Не в том смысле, в каком единственным универсальным классиком двухтысячелетней западной традиции был Вергилий, но в том смысле, в каком универсальным классиком может быть назван, например, Гёте, т.е. писатель, сочинения которого являются вехой в своем языке и имеют столь же общее значение для других литератур.

К.В. Душенко